

В ЕЕ ЖИЗНИ БЫЛО МНОГО РОМАНОВ. ЖЕСТОКИЙ — ОДИН. С ЖАНОМ ГАБЕНОМ

без этого нельзя получить американское гражданство, что Дитрих твердо решила. Вельчек с угрозой в голосе заявляет актрисе, что ее место — среди соотечественников, а не на чужбине. «Я с удовольствием вернусь, — вдруг с достоинством произносит Марлен. — Если господину фон Штернбергу будет предоставлена возможность снять в Берлине фильм». В комнате повисает недоуменное молчание. «Вы не хотите Штернберга, потому что он — еврей?» — шебечет Марлен. Слушая потом этот рассказ, друзья Дитрих покрывались холодным потом: не всем германским подданным удавалось тогда безопасно унести ноги из немецких посольств.

В 1944 году состоялось первое эстрадное выступление Дитрих на фронте. Она появилась перед солдатами в своем сильно декольтированном сверкающем платье... Они недоверчиво спрашивали: «Это правда Дитрих?» И она пела им свою «Лили Марлен» — песню, которую знали солдаты всех фронтов.

В одну из таких поездок Марлен сказали, что среди офицеров танковой дивизии находится Жан Габен. Услышав это, актриса потеряла голову. Невзирая на сумерки и начавшуюся перестрелку, Дитрих перебежала от одного танка к другому, выкрикивая его имя.

«Жан, дорогой!» — Марлен повисла у него на шее...

Великая любовь связывала их еще с начала войны.

«Сюда (в Голливуд. — Е. Г.) приезжает великолепный Габен, — телеграфировала Дитрих мужу в Европу. — Выясни это. Я должна его заполучить». В феврале 1941 года французский актер Жан Габен, спасаясь от оккупантов, прибыл в Голливуд сниматься в каком-то незначительном фильме. В день приезда Марлен позвонила ему, и тот услышал на превосходном французском вкрадчивое: «Жан, это Марлен!» Она вложила в свой прославленный голос восхищение, нежность, интерес, призыв. Габен не устоял, конечно.

Так начался самый жестокий роман в жизни Дитрих. Как многие

Хемингуэй также свидетельствовал, что Дитрих «была способна уничтожить любую соперницу, даже не посмотрев в ее сторону. Станный в наши дни кодекс чести запрещал ей отбивать возлюбленного у другой женщины до тех пор, пока та действительно желала его».

Роман Марлен Дитрих с Эрнестом Хемингуэем продолжался около тридцати лет: они встретились в 1934 году. Это была странная, почти идеальная любовь-дружба, любовь-восхищение. В ней не было ревности, требований и обязательств. Они никогда не имели возможности видиться подолгу; к тому же обычно либо он был занят какой-нибудь девушкой, либо Марлен не оказывалась на тот момент свободна. Основными средствами связи оставались письма и телефон: они разговаривали часами. Дитрих с особенной нежностью вспоминает, что великий Хэм умел не только раздеть ее по телефону, но и сделать с ней «все»; мало кому удавалось доставить ей столько удовольствия даже во плоти.

Однажды они случайно столкнулись во время войны в Париже. Хемингуэй поделился с Марлен, что страстно влюблен, и стал умолять Дитрих пого-

ворить с его пассией и предложить последней от его лица руку и сердце. Дитрих без колебаний надела брюки и фрак и разыграла перед Мэри Уэлш страстную любовную сцену. От имени Хемингуэя. Мэри была так потрясена, что к вечеру дала согласие выйти замуж за писателя.

Впоследствии Мэри Хемингуэй, ревнуя мужа ко всем подряд, почему-то обходила Дитрих. После его самоубийства вдова даже позволила опубликовать любовные письма Эрнеста к Марлен. «Я забываю о тебе иногда, — пишет ей Хэм, — как забываю, что бьется мое сердце».

Война. У белокурой арийки Марлен Дитрих, проживающей в безопасной Америке, по-прежнему немецкий паспорт. В нацистской Германии остались ее мать и сестра. Хуже всего то, что Гитлер ходит по ней с ума и ежедневно смотрит фильмы с ее участием. Фюрер уговаривает Дитрих вернуться на родину, обещая триумфальный въезд в Берлин через Бранденбургские ворота. Лстыивые слова Адольфа Гитлера полны сальных намеков.

Мадам Дитрих нервно ходит взад-вперед в приемной посла гитлеровской Германии Вельчека. Она пришла продлить свой немецкий паспорт:

ВЕЛИКАЯ МАРЛЕН ВСЕГДА ЧУВСТВОВАЛА СТИЛЬ. МОДЕЛЬЕРЫ ПОЧИТАЛИ ЗА ЧЕСТЬ ШИТЬ ДЛЯ НЕЕ ТУАЛЕТЫ